

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 34

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОТБОРА ЭЛИТЫ В УЧЕНИИ ЕВРАЗИЙЦЕВ В СРАВНЕНИИ С ТЕОРИЯМИ ЭЛИТЫ Г. МОСКА И В. ПАРЕТО

А. А. Васильев, В. В. Мухопад

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Авторы проводят сравнительный анализ идей Н. Алексева, Г. Моска и В. Парето на предмет критериев отбора ведущего слоя. Обращают внимание на евразийский подход противопоставления западных и евразийских элит в соответствии с концепциями правовых систем — первенства права и первенства обязанности. Критически рассматривают положения о видах элит и механизмах их взаимодействия с ведущим слоем. Тезисы являются продолжением предыдущих исследований авторов, касающихся теории элиты и правящего отбора в консервативной правовой идеологии России, зарубежной элитологии и в российской действительности.

Ключевые слова: элита, ведущий слой, правящий отбор, политическая элита, элитология, евразийство.

EXCLUSIVE MECHANISMS OF ELITE SELECTION IN THE DOCTRINE OF EURASIANS IN COMPARISON WITH THE ELITE THEORIES OF G. MOSCA AND V. PARETO

A. A. Vasilev, V. V. Mukhopad

Altay State University (Barnaul, Russia)

The article presents a comparative analysis of the ideas Of N. Alekseev, Moscow and V. Pareto for the selection criteria of the leading layer. The authors draw attention to the Eurasian approach of contrasting Western and Eurasian elites in accordance with the concepts of legal systems — the primacy of law and the primacy of duty. Provisions on types of elites and mechanisms of their interaction with the leading layer are critically considered. The theses are a continuation of previous studies of the authors concerning the theory of elite and ruling selection in the conservative legal ideology of Russia, foreign elitology and in Russian reality.

Key words: elite, leading layer, ruling selection, political elite, elitology, Eurasianism.

В условиях возрождения евразийских идей и создания евразийского пространства особую актуальность приобретает та часть концепции, что связана с идеями ведущего слоя, его предназначением и ролью в управлении государством, ведь нельзя не отметить, что развитие любого общества в решающей степени зависит от способности элиты страны консолидировать, мобилизовать

все слои населения ради достижения социально значимых целей. Несомненно, что внимание к евразийской политико-правовой доктрине сегодня приковано не только со стороны российской науки, но и за рубежом, поскольку создание евразийского экономического пространства существенно влияет на мировую экономику и политику [1, с. 52].

Задаваясь актуальным во все времена вопросом налаживания контакта между «верхами» и «низами», Н. Алексеев видит решение в западной и евразийской правовых концепциях, которые служат неким подсознательным фундаментом для выстраивания отношений в обществе по вертикали и горизонтали. Первая заключается в принципе «do ut des», т. е. таком типе мышления, при котором каждому праву корреспондирует обязанность, а каждое отношение предполагает некую возмездность — «ты — мне, я — тебе». Этот подход евразийцы именуют атомарным, укоряя западных мыслителей в том, что такое право изначально было чуждо большим массам, служило для удовлетворения интересов буржуазии, феодалов, императоров.

В противовес выступает евразийский подход правообязанности (поскольку предложить просто обязанность, на наш взгляд, было слишком резко), по которому, прежде чем всякое право, стоит обязательство, причем предписания к совершению или несвершению определенных действий обусловлены интересами всего государства, а не отдельных лиц: «Если бы ведущий слой государства проникся бы мыслью, что власть его не есть право, а и обязанность; и если в то же время управляемые не были бы простыми объектами власти, не были бы только носителями обязанностей, положительных и отрицательных, но и носителями правомочий. При том правомочия эти они не считали бы “правами”, противостоящими другим, враждебным “правам” <...>, но как истинные “правообязанности”, т. е. как соединенные с свободным усмотрением обязанности по участию в государственной власти. В таком государстве поистине свобода была бы идеально соединена с повиновением» [2, с. 155].

Таким образом, полагается, что ведущий слой западных государств основывался на преимущественном признании своего права, в том числе права на власть. Сословным правам соответствовали, конечно, и обязанности, но первые задавали тон всей жизни, преобладали.

При таком противопоставлении элит возникает необходимость в сравнении данных теорий на предмет того, какими способами, методами, инструментами можно руководствоваться для отбора ведущих слоев, в проверке гипотезы о том, что разные ведущие слои, руководством которых выступают различные принципы общественной жизни, должны рекрутироваться различными механизмами, в противном случае возникает вопрос: как разобратся, ведущий слой «западного» или «евразийского» образца возникает перед нами.

В теории В. Парето люди всегда управляются элитами, за исключением короткого периода времени. В его понимании история человечества — это история замены определенных элит на другие элиты [3, с. 188].

В. Парето выделял «высшие классы», или аристократию, под которыми понимаются «люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества» (в этимологическом значении слова: *aristos* — лучший). При этом большинство членов элиты в данной концепции обладают определенной совокупностью качеств — не важно, хорошими или дурными, — которые обеспечивают власть.

Кроме того, сам «верхний слой» он делит на подгруппы, указывая на неоднородность элиты: управляющая элита, неуправляющая элита, политическая элита. При этом элита, или верхний слой, или аристократия (Парето использует эти термины взаимозаменяемо), не может быть определена конкретным слоем людей, поскольку социальные классы не являются однородными. По справедливому утверждению Р. Марко, закон циркуляции элит В. Парето имеет своей основой более глубокий смысл, чем просто переход власти от группы к группе, — основой его является перераспределение богатства [4, р. 311–329].

В. Парето доказывал, что равновесие в обществе требует, чтобы к правящей элите постоянно присоединялись лица с элитарными качествами, но неэлитарного происхождения с одновременным выводом из нее людей с неэлитарными качествами. Однако этого не происходит, поскольку правящая элита стремится сохранить свои привилегии и передать их по наследству. Этим она ухудшает свой качественный состав и способствует количественному росту контрэлиты.

Среди причин упадка правящей элиты В. Парето называет войну и дифференцированную способность к воспроизведению потомства. Война обычно уничтожает более значительную часть элиты

по сравнению с населением в целом. Элитарные семьи проявляют тенденцию к вымиранию, потому что в них обычно меньше детей, чем у остального населения. Однако закон циркуляции элит не позволяет старой элите привести к упадку все общество. Когда процессы упадка правящей элиты и количественного роста контрэлиты достигают широких масштабов, контрэлита с помощью масс вытесняет старую элиту и становится правящей.

Н. Алексеев, критикуя теорию «борьбы», циркуляции элит, обозначает, что «в процессе революционных изменений ведущего слоя люди перестали понимать, кто же властвует и преобладает». Неустойчивость «ведущих» внесла сомнения в представления о власти вообще. Вследствие этого пропадает вера в авторитет, незыблемость власти, что позволяет общественности полагаться на идеи совершителей переворотов. Так рушится значение авторитета элиты, фундаментального аспекта ее существования, что, по мнению евразийцев, грозит подрывом культурных начал общества.

Другой мыслитель, Г. Моска, определял элиту как наиболее активных в политическом отношении людей, ориентированных на власть, организованное меньшинство, осуществляющее управление неорганизованным большинством.

Г. Моска утверждал, что в любом типе общества в любой момент истории имеется два класса людей — класс, который правит, и класс, которым правят. Первый класс общества состоит из немногих и наделен всей политической властью и привилегиями, тогда как второй состоит из большого числа людей и подчиняются первому.

Согласно исследованиям Г. Моски, элита неизменно приходит в упадок, когда прекращает совершенствовать те качества, с помощью которых пришла к власти. И в тех случаях, когда качества элиты перестают быть адекватными политическим условиям, «когда созревает необходимость проявления в государственном управлении новых черт, а старые способности частично теряют свою значимость или же происходят изменения в их распределении, будет сменяться и способ формирования правящего класса» [5 с. 190].

Стремление к неподвижности, инерции сталкивается со стремлением к изменениям, что идет от обладателей новых, востребованных качеств. Это противоречие приводит к конфликту «между стремлением доминирующих элементов монополизировать политическую власть и передать ее в наследство и стремлением расщепить старые силы и прославить новые». Поэтому «в человеческих обществах преобладает то тенденция формирования закрытых, устойчивых кристаллизованных правящих классов, то тенденция, которая ведет к более или менее быстрому их обновлению» [6, с. 98].

По словам Г. Моски, исторически правящий класс пытается оправдать свое существование с использованием некоторых универсальных моральных принципов, превосходства и т. д. На определенном этапе исторического развития правящие классы уже не в силах оправдать свою власть исключительно фактическим владением ею, поэтому им необходимо искать другое оправдание — морально-правовую основу, или «политическую формулу», которая должна поддерживать убеждения и настроения общества или подавляющей его части.

Г. Моска выделил две тенденции в развитии политического класса — аристократическую и демократическую и три способа его обновления — подражание, выборы и кооптация. Первая тенденция связана с подражанием и проявляется в стремлении элиты стать наследственной если не юридически, то фактически — путем воспроизведения на собственной основе. Вторая тенденция связана с выборами и заключается в обновлении состава элиты за счет наиболее склонных к управлению и наиболее активных представителей низших слоев общества.

Доминирование аристократической тенденции ведет к вырождению элиты, следствием чего является общественный застой и активизация борьбы новых социальных сил за занятие господствующих позиций в обществе. Преобладание демократической тенденции предупреждает дегенерацию элиты, делает ее более способной к эффективному руководству обществом, однако может нарушить преемственность в политике, вызвать нежелательные социальные изменения. Оптимальной для общества является равновесие между аристократической и демократической тенденциями, что обеспечивает как преемственность и стабильность в руководстве обществом, так и качественное обновление самого руководства.

Как видим, западные концепции теории элит содержат мысли о качествах, в том числе моральных установках элиты, разложение которых неизбежно ведет к смене ведущего слоя.

Вторя высказываниям европейских элитологов, Н. Н. Алексеев словно оправдывает в некоторой степени эгоистические потребности ведущего слоя, вызванные его самообновлением, духом преобразований: «Ведущий слой возникал <...> в силу тех же, чисто естественных процессов, в результате которых в организме более тонкие мозговые клетки отбираются от других. В жизни стихийно возникшего ведущего слоя нужно различать процессы старения и разложения, с одной стороны, и творческие процессы зарождения и подъема, с другой. <...> Органически возникшие аристократии подвержены вырождению, ведущий слой постепенно утрачивает свою функциональную природу, становясь все более и более паразитическим. Социальный паразитизм есть признак общественной дегенерации, а не социального расцвета. В период зарождения и развития всякий ведущий слой, даже чисто классовый, питающий эгоистические интересы определенной социальной группы, силою вещей управляет известную социальную функцию» [2, с. 468].

Можно сказать, что слова Н. Н. Алексеева о способах обновления элиты с учетом приведенного нами экскурса в теории элит В. Парето и Г. Моска не являются исключительно новыми, поскольку в них также выражаются идеи постепенного обновления ведущего слоя и конвульсивного его замещения в процессе революции.

Однако евразийство взяло на себя более подробное изучение видов отбора ведущего слоя. Н. Н. Алексеев видел этот критерий отбора ведущего слоя в «моральном предводительстве», но тем не менее не пояснял, что именно под этим понимать. Н. С. Трубецкой справедливо отмечал, что между типом отбора, с одной стороны, и формой правления — с другой существует достаточно точная взаимосвязь [7, с. 121], в чем усматривается влияние теории элит Г. Моска и В. Парето.

Н. С. Трубецкой выделял три основных типа отбора правящего слоя: аристократический (военно-аристократический, бюрократическо-аристократический, олигархический), демократический (плутократическо-демократический, охлократический) и идеократический, причем идеократический тип отбора мыслился им как во многих чертах футуристический. Так, при аристократическом отборе правящий слой отбирается по знатности происхождения, а политическое устройство при таком отборе выражается в абсолютной монархии или деспотии. Демократическому и аристократическому типу отбора в элиту ученый противопоставлял выведенный евразийцами идеократический тип, в чем пересекается с философией К. Шмитта. Полагаем, что в этом вопросе евразийцы пошли несколько дальше, однако значимым вопросом является процедура отбора в элиту граждан лишь по признаку того, насколько они поддерживают идею («идею-правительницу», эйдос) государства.

П. Н. Савицкий отмечал: «Ведущий слой есть та первая реальность, которую они видят в государственной жизни. Во всяком государственном порядке можно различить властвование определенной группы людей, объединенных тем или иным признаком... Элементы подобного рода имеются при любом государственном порядке: их можно обнаружить и в аристократии, и в геронтократии, и даже в плутократии» [8, с. 99].

Примерами ведущего слоя Н. Н. Алексеев на разных этапах развития России называет княжескую дружину; служивый класс московских государей; дворянство императорского периода; коммунистическую партию.

Особенным кажется отмеченное Н. Н. Алексеевым положение, что ведущий слой, объединенный не по классовому принципу, а по служилому (идеал евразийцев), «может рассчитывать на власть только в том случае, если он выступит под знаменем идей и идеалов, которые окажутся соответствующими духу данной исторической эпохи».

Так, Н. Н. Алексеев выделял ведущие группы племенного состава: правящие расы (например, монархии фараонов); геронтократии (правление старших); классовые элиты (например, Англия XVII — первой половины XVIII в., «абсолютное господство класса аристократии»); служилые элиты (характерная черта российской государственности). В обоснование последнего тезиса приводится следующая цитата: «Политический порядок в Московском государстве основан был на разверстке между всеми классами только обязанностей, не соединенных с правами. Правда, обязанности соединены были не с одинаковыми выгодами, но эти выгоды не были сословными правами, а только экономическими пособиями для несения обязанностей. Дворяне, кроме старолетних и увечных, по смерти были определены на службу в армию. Обязанностью была и служба гражданская, и служба во флоте. Для дворян было обязательно обучение не только грамоте и цифири, но и навигации, фортификации, юриспруденции и экономии. Не обучившимся дворянским недорослям запрещено было же-

ниться. Все дворяне были приписаны к государству, всем дворянам велась обязательная регистрация, всем дворянам устраивались периодические смотры, на которые они должны были съезжаться в Петербург и Москву. Принимая все это во внимание, только по недоразумению можно говорить о петровском дворянстве как о сословии привилегированном» [9, с. 110].

Между тем, обосновывая сепарацию ведущего слоя от экономического класса, евразиец упускает из виду тот факт, что, говоря о ведущем слое, он фактически имеет в виду либо напрямую политическую элиту (правлящий слой), либо достаточно приближенную к политической элите категорию граждан. Однако, как мы уже выяснили, ведущий слой — понятие, по евразийству, более широкое, чем просто политическая верхушка.

Продолжая данную мысль, Н. Н. Алексеев пишет: «Не существовало никаких других государств, кроме тех, в которых управляет ведущий слой; в жизни государства действовал всегда закон “меньшего числа”, т. е. ясно выраженное меньшинство было представителем культурных тенденций государства в мировой истории, а среди этого меньшинства еще более узкий слой фактически руководил государством (управляющая группа)». Далее находим: «Можно сказать, что никогда и нигде не существовало чистой монархии, ибо реально власть монарха всегда опиралась на известный ведущий слой и управляла при помощи правящей группы. Исторически известные нам монархии с социальной точки зрения все без исключения были аристократиями, опиравшимися на класс землевладельцев или на известные служилые группы. То, что называлось в истории “демократиями”, по социальному существу своему было также чисто олигархическим образованием, знало прямое преобладание одних социальных слоев над другими и даже, в случае античных демократий, построено было на институте рабства» [2, с. 544].

Отсюда можно предположить, что, выдвигая «ведущий слой» как нечто надклассовое и надполитическое, Алексеев все же оговаривается, что в действительности такой слой или на формально-правовых основаниях, или фактически все же участвует в отправлении политической власти, в связи с чем его можно аналогично именовать политической элитой (или элитой и «контрэлитой» по В. Парето и Г. Моска).

Сомнению можно подвергнуть и то, что ведущий слой Московского государства и Петровской России был надклассовым, внесословным и внеэкономическим. Однако вернемся к теме статьи и попытаемся все же найти исключительные, оригинальные подходы евразийства к теории элиты и ведущего слоя.

Нельзя обойти стороной витиеватое описание идеала ведущего слоя в современном для евразийцев обществе, разделенное на две модели: а) государства, в которых официальные носители власти являются непосредственными органами ведущего слоя, б) государства, официальные носители власти которых образуются путем известного отбора людей из широких народных масс ведущим слоем и представляют его. В первом случае предполагается отбор граждан на основе закона, а ведущий слой входит в состав государственного аппарата и таким образом совпадает с носителями государственной власти. Для того чтобы обезопасить такую форму существования ведущего слоя, минуя его перерождение в род бюрократии, лишенной творческих идеалов, предполагаются его постоянное обновление, циркуляция, а также ответственность перед народом, техническая и теоретическая подготовленность к осуществлению власти. «Правящий слой, таким образом, организует “народ”, с одной стороны, в целях самопополнения, с другой стороны, в целях образования кадров специалистов и, наконец, в целях воспитания в широких народных массах политической и социальной активности».

Во втором случае правящий слой не отождествляет своей организации с государственной, но образует государственные органы путем действия выборных органов, которые «иными путями оказывают воздействие на государственную власть». Предупреждая вопросы о соотношении такого рода организаций с политическими партиями, Н. Н. Алексеев пишет о том, что «основным отличием от партии в современном смысле этого слова является то, что эта последняя всегда построена на основе некоего частного, партикулярного принципа или интереса, тогда как ведущий слой должен воплощать в себе интересы целого. <...> Мы имеем дело с политическим режимом, который можно назвать однопартийным».

Безусловно, на сегодняшний день учеными делается вывод, что такое существование ведущего слоя видится в современном положении вещей несколько утопическим, поскольку на территории евразийского пространства пока не имеется даже набросков того, что могло быть названо евразий-

цами истинным ведущим слоем [10, с. 95–98; 11, с. 338–339]. Однако обратим внимание, что Алексеев не ставит в основу образования ведущего слоя демократические принципы права народа на осуществление власти, равенства, гласности и т. п. Напротив, говоря о ведущем слое, он практически уходит мыслями в религиозно-философские идеи Платона с его концепцией царства философов: «Ведущий отбор в совершенном государстве должен обладать подобным знанием высшего “эйдоса”, должен быть до некоторой степени им “одержим”. Другими словами, ему должна быть открыта высшая религиозно-философская истина, которой он призван служить и которая не может не объединять его в одно целое».

Таким образом, речь идет о теократии, об идеях концентрации народного евразийского духа в православной христианской религии. При таких условиях нет необходимости в изобретении системы каких-либо искусственных средств, при помощи которых происходило бы согласование начала демотического с началом эйдократическим.

Обратим внимание, что Н. Н. Алексеев не отрицает возможности помещения принудительных гарантий где-то вне государства как целого в международном общении и в международном правопорядке. Между тем видится, что единственно истинным и единственно оригинальным является тот подход к теории элиты, тот фундамент, тот механизм отбора, который заложен в морально-нравственных и религиозных началах Российского государства. Действительно, ни в одном европейском или западном государстве не прослеживается такой прочной связи власти и религии, необходимости соответствия представителей элиты не только моральным, но и религиозным установкам, вследствие чего в ранг высшего идеала, критерия возводится не право, а некий абсолют, включающий в себя различные регуляторы общественного поведения.

Безусловно, в этой связи нельзя обойти вопрос о соответствии государства критериям светскости и даже демократичности, о действительном положении вещей, о применимости евразийских критериев ведущего слоя в России. Авторы надеются не оставить этот вопрос без внимания и планируют рассмотреть его в более детальном и глубоком исследовании современного состояния элиты на евразийском пространстве.

Библиографический список

1. Bruno S. Sergi. Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A hybrid half-economics and half-political “Janus Bifrons” // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. Issue 1.
2. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2000. 630 с.
3. Pareto, V. *The Mind and Society. A Treatise on General Sociology*. New York, 1935. 1430 p.
4. R. P. Marco. On Pareto theory of circulation of elites. CNRS, LAGA UMR 7539, Université Paris XIII, 99, Avenue J.-B. Clément, 93430-Villetaneuse, France. <https://arxiv.org/pdf/1412.4695.pdf>.
5. Mosca G. *The Ruling Class*. New York, 1939. 728 p.
6. Трубецкой Н. С. *Наследие Чингисхана*. М., 2000. 618 с.
7. Савицкий П. Н. *Континент Евразия*. М., 1997. 461 с.
8. Ключевский В. *История сословий в России*. М., 1886. 196 с.
9. Bassin M., Glebov S., Laruelle M. *Between Europe and Asia: The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism*. University of Pittsburg press. 2015. 288 p.
10. Комиссаров А. В. Проблема политической власти в наследии евразийцев // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 8 : История*. 2015. № 2.
11. Палкин А. Г. Понятие «правлящий отбор» в идеократической концепции государства евразийцев // *Известия ОГАУ*. 2015. № 3 (53).